

Глава 46. Красный гроб (часть 2)

Боги следят за людьми... Какое самомнение.

Сидя в гостиной, Цэнь Цзинь занимался своими делами: поел, спланировал реконструкцию старого здания и подсчитал зарплату с подработок. В то же время в его голове неотступно крутились слова, брошенные Дин Чжаоцином перед уходом.

Честно говоря, хотя Ми-Да и Организация постоянно трубили о борьбе человечества с богами, создавая у студентов иллюзию, будто люди им не уступают, Цэнь Цзинь понимал — всё это лишь для того, чтобы взрастить в молодых людях смелость противостоять. Чтобы они не рассыпались в прах ещё до того, как война по-настоящему начнётся.

Но пропасть между истинными богами и людьми была непреодолима.

Цэнь Цзинь на себе испытал этот ужас. При первой встрече с Дин Чжаоцином он не мог даже поднять головы, распростёртый на земле. Тот мог убить его с лёгкостью, с какой давят муравья.

Второй раз он столкнулся с божеством в лице Си-ван-му. Одно лишь её остаточное загрязнение, просуществовавшее в Изнаночном мире более двух тысяч лет, едва не заставило его истечь кровью из всех отверстий и умереть от ментального коллапса.

Никто не понимал силу богов лучше него.

Поэтому его сомнения в том, что Дин Чжаоцин будет за ним следить, должны были показаться тому смехотворными. Человек не станет специально наблюдать за муравьём, если только этот муравей не является важным объектом эксперимента.

Желтоволосый внезапно успокоился. Он не представлял никакой ценности для «пристального наблюдения», и ни один идиот не станет ставить на нём эксперименты.

Придя к этому выводу, Цэнь Цзинь отбросил мрачные мысли и вернулся в реальность, где его тут же с головой накрыли счета и расходы, заставив пожалеть, что нельзя вечно пребывать в иллюзиях.

Интересно, умеют ли боги зарабатывать деньги?

...

На следующий день Цэнь Цзинь отправился на занятия. Он изучал базовые предметы и общеобразовательные курсы, а после обеда взял тележку и отвёз краску домой. Тащить её в

университет было бы слишком заметно и могло привлечь ненужное внимание, что грозило бы последствиями с фейерверками.

В Цветочном переулке он встретил нескольких соседей. На их вопросы, зачем ему столько краски, Цэнь Цзинь отвечал одно и то же: «Подработка».

С тех пор как он себя помнил, он постоянно подрабатывал, и соседи к этому привыкли.

Став сильнее после тренировок, Цэнь Цзинь без труда занёс краску на четвёртый этаж, где его уже ждала Ду Ли.

Ду Ли пришла вернуть деньги. В прошлый раз она заняла пятьдесят тысяч. Сразу всю сумму вернуть не могла, поэтому отдала пятнадцать тысяч и принесла кастрюлю домашней тушёной свинины.

— Спасибо, сестрица Ду Ли.

Ду Ли улыбнулась, похлопала Цэнь Цзиня по плечу и пообещала в следующий раз угостить его ужином в пятизвёздочном отеле. Внезапно зазвонил её телефон. Взглянув на экран, она смущённо сказала, что ей нужно идти.

— Не беспокойся, сестрица, занимайся своими делами, — махнул рукой Цэнь Цзинь.

Ду Ли отвернулась, и её лицо мгновенно стало жёстким. Цэнь Цзинь услышал, как она раздражённо бросила в трубку: «Чего ты от меня хочешь?». Затем её тело замерло, спина напряглась.

Цэнь Цзинь почувствовал неладное.

— Сестрица Ду Ли, что-то случилось? — громко спросил он.

Ду Ли обернулась. На лестничной клетке не было света, и она стояла спиной к окну, поэтому её лица было не разглядеть.

— Всё в порядке.

Но Цэнь Цзинь понял, что это не так, и шагнул к ней. В следующую секунду он услышал, как Ду Ли кричит в телефон:

— Гэ Цзюньхуэй, ты больной! Слушай сюда, мы расстались! Если ты ещё раз ко мне пристанешь, я найму людей, и они переломают тебе ноги!

Люди из Цветочного переулка в большинстве своём были вспыльчивыми. Жизнь сгладила их острые углы, но не смогла искоренить врождённую дерзость. Ду Ли была именно такой — любила и ненавидела со всей страстью.

— Козёл изменил, а теперь прощения просит, вот я его и бросила, — зло выругалась Ду Ли, рассказывая о бывшем. — Он поехал в командировку в Бхарату, завёл там интрижку с какой-то высококастовой бабой. Думал, вернётся домой, и всё шито-крыто. Ублюдок ещё и в постель ко мне лез. А в тот же день её родственники явились, потребовали, чтобы он взял на себя ответственность.

Ду Ли холодно усмехнулась:

— Говорят, на этого урода сейчас наложили проклятие, он весь в болезнях, и вся его семья страдает. А он просит меня пойти к той женщине и умолять её о пощаде... С ума я сошла, что ли, просить за него! Пусть сдохнет, козёл.

Цэнь Цзинь не ожидал услышать такие подробности и почувствовал себя неловко. Он, недолго думая, перевёл Ду Ли пятьсот юаней через мессенджер.

— Эм, сестрица, старое уходит, новое приходит.

— Пф-ф! — Ду Ли рассмеялась, ущипнула Цэнь Цзиня за щёку. — Цэнь Сяоцин, какой же ты милый! Ладно, я поняла. А вот эти сто юаней — от меня тебе на чай с молоком.

Ду Ли приняла пятьсот юаней и тут же перевела ему шестьсот. На контрасте с мерзавцем-бывшим её младший братец казался ей самым милым созданием на свете.

— Мне на работу пора, а то опоздаю. Пока.

— Пока.

Цэнь Цзинь, потирая щёку, вернулся в квартиру. Сначала он поставил тушёную свинину на стол, а потом занёс краску. В тот момент, когда он открыл дверь, комната превратилась в хижину в лесу.

Когда он перетащил всю краску, то обнаружил за обеденным столом Дин Чжаоцина. Тот держал палочки и как раз собирался подцепить кусок свинины из кастрюли.

Под светом лампы мясо выглядело аппетитно, переливаясь и источая аромат.

Обиженное дитя, Ли Маньюнь и Медноголовый выстроились в ряд у стены. Они с любопытством и вожделием смотрели на свинину. Цэнь Цзинь даже заметил, как Обиженное

дитя сглотнуло слюну.

«...»

Цэнь Цзинь сел напротив Дин Чжаоцина и неуверенно спросил:

— Будешь?

Дин Чжаоцин поднял глаза и, помолчав, опустил палочки вместе с куском мяса.

— Вино будешь? — спросил он.

— А?

— Мясо без вина — половина удовольствия.

— Где ты этого нахватался? Опять из фильмов?

— Возьми вино в холодильнике, — сказал Дин Чжаоцин, тем самым подтверждая догадку.

Цэнь Цзинь с сомнением открыл холодильник и действительно нашёл там небольшой кувшинчик вина размером с ладонь взрослого человека. Он протянул его Дин Чжаоцину.

— Я не пью. Это ты сам сделал или купил?

— Сделал, — ответил Дин Чжаоцин. Он открыл пробку, и по комнате разнёсся аромат вина. Подняв глаза, полные пьянящей весенней улыбки, он спросил: — Две тысячи лет назад закопал. Сначала был целый пруд, но со временем испарилось, осталось совсем чуть-чуть.

Он покачал кувшинчик в руке.

— Правда не попробуешь? Вино двухтысячелетней выдержки, сделанное руками бога. Настоящий нектар. Упустишь шанс — другого не будет. Такое раз в жизни бывает.

Соблазны, уговоры... Цэнь Цзинь был молод и не устоял. Облизнув губы, он сказал:

— Ну, если только чуть-чуть. Один глоток.

Дин Чжаоцин налил ему самую малость и пододвинул чарку.

Цэнь Цзинь попробовал, нахмурился. Попробовал ещё — на лице отразилось недоумение. Выпил всё до дна и растерянно произнёс:

— А почему на вкус как «Эрготоу»?

Дин Чжаоцин, не меняя выражения лица, ответил:

— Правда? Наверное, производители «Эрготоу» украли мой рецепт.

— А, — сказал Цэнь Цзинь.

Он сел за стол. Алкоголь немного ударил в голову. Похлопав себя по щекам, он взял палочки и принялся за свинину. Мать Ду Ли готовила её божественно. Три слоя мяса, жирное и постное, нежное и сочное, таяло во рту, разваливаясь от одного прикосновения палочек.

Внезапно что-то вспомнив, Цэнь Цзинь ушёл на кухню.

Дин Чжаоцин, вдыхая аромат вина и вспоминая выражение лица Цэнь Цзиня, улыбнулся. Но нежная, пьянящая улыбка исчезла так же быстро, как и появилась, сменившись привычной холодной отстранённостью. Однако в этой безмятежности промелькнула лёгкая рябь — удивление и любопытство.

Троица у стены переглянулась. Они вспомнили, как Дин Чжаоцин вернулся под утро с этим кувшинчиком. Он уже выпил всё содержимое, а потом, неизвестно почему, решил налить туда что-то другое. Понюхав, он потерял всякий интерес и забросил кувшин в холодильник.

Кстати, бутылка от того «чего-то другого» — зелёная, со знакомой красной этикеткой — валялась в мусорном ведре на кухне. Кажется, на ней было написано «Эрготоу».

Через некоторое время Цэнь Цзинь вернулся с тремя мисками. Сохраняя невозмутимый вид, он наложил в каждую по куску свинины, отнёс на столик в гостиной и подозвал троицу.

Те, украдкой взглянув на Дин Чжаоцина и не встретив возражений, робко подошли. Схватив палочки, они с жадностью попробовали мясо. Удивительный вкус поразил их, и они полностью погрузились в наслаждение нежной свининой.

Цэнь Цзинь вернулся к обеденному столу и, к изумлению троицы, взял всю кастрюлю со свининой и ушёл с ней в гостиную.

— ...

Троица была в шоке.

— Ешьте своё, — бросил им Цэнь Цзинь.

— !!!

Их благоговение возросло.

Какой сильный! Открыто бросает вызов Хуанцюаню! Путь восхождения желтоволосого юноши!

Дин Чжаоцин постучал палочками по кувшинчику.

— А мне?

Цэнь Цзинь, сидевший к нему спиной, не оборачиваясь, ответил:

— Бессмертные не едят земную пищу. Живот заболит.

Дин Чжаоцин хмыкнул и продолжил постукивать по кувшину. Монотонный стук отдавался в голове Цэнь Цзиня гулом. Не выдержав, он обернулся и гневно посмотрел на него. Дин Чжаоцин, лениво подперев щеку рукой, небрежно постукивал палочками. В его глазах и на губах играла одинаково ленивая улыбка.

Это была не та фальшивая, нежная улыбка, что раньше, а мимолётная, но настоящая.

Дин Чжаоцин заметил удивление во взгляде Цэнь Цзиня и тут же сменил выражение лица на ослепительную улыбку, от которой в мыслях расцветали персики на весенней реке.

Но это была подделка.

Цэнь Цзинь фыркнул и отвернулся, загоразивая собой кастрюлю со свининой. Он подумал, что боги, должно быть, все любят носить маски доброты или сострадания, чтобы обманывать людей и собирать последователей. На самом деле они не понимают человеческих чувств, да и нет у них сердца.

Или, может, они просто не устаивают людей проявлением своих истинных эмоций, поэтому и надевают красивые, изящные маски, разыгрывая безупречный спектакль.

Идеальная игра, заставляющая мир сходить по ним с ума.

Цэнь Цзинь запивал свинину «весёлой водой» и смотрел, как троица жадно ест. Он вспомнил о Призрачных тенях и людях в белых халатах в старом здании. Они тоже были аномалиями, но радовались еде и крыше над головой.

А некоторые аномалии, у которых, казалось бы, было всё, власть над миллионами живых существ, всё равно оставались ненасытными.

Даже Ли Маньюнь и остальные были милее.

Дин Чжаоцин рассматривал спину Цэнь Цзиня, наблюдая за его реакцией. Он не испытывал недовольства из-за неуважения, скорее, им овладело любопытство. Возможно, это было влияние воспоминаний «Дин Чжаоцина», поэтому он был так снисходителен к Цэнь Цзиню.

К тому же, когда этот желтоволосый нытик злился, в нём появлялось больше жизни, он становился похож на людей из фильмов, и это было довольно забавно.

Обиженное дитя, уставившись на бутылку «весёлой воды» в руках Цэнь Цзиня, спросило:

— Вкусно?

Цэнь Цзинь налил ей.

Обиженное дитя выпило и замерло.

Горьковато, сладковато, похоже на лекарство. Не сказать, что вкусно, но странно.

Надо попробовать ещё.

Обиженное дитя пило глоток за глотком, пока не опустошило стакан. В её серо-белых глазах читалось одно желание: «Ещё».

Цэнь Цзинь отдал ей всю бутылку. Медноголовый и Ли Маньюнь с любопытством подошли попробовать. Первый, отпив немного, потерял интерес, вторая тоже осталась равнодушна. В итоге Обиженное дитя в одиночку прикончило всю бутылку.

На выходных Цэнь Цзинь взял несколько подработок, а закончив с ними, без промедления принялся за ремонт старого здания. Внутри второго и шестого этажей он выбрал бежевый цвет, а снаружи — ярко-жёлтый. Изнутри всё выглядело как новое, но снаружи эти два этажа бросались в глаза своей несуразностью.

Но это неважно. Будут деньги — переделает.

Цэнь Цзинь планировал полностью убрать сухой пейзажный сад и заменить его плодородной почвой. В идеале — купить богатый микроэлементами чернозём.

Он поручил Призрачным теням-биологам с помощью оставшегося на шестом этаже научного оборудования исследовать растения, устойчивые к ментальному загрязнению. Купил десять пакетиков семян, больше половины из которых — овощи и фрукты.

Причина была проста: такой большой участок земли, а не сажать овощи — расточительство.

В понедельник он снова пошёл на занятия. Чжоу Мань искал его, но получил отказ. В тот же день он с чемоданом уехал.

В среду начинались каникулы.

Во вторник Шишахай, как и ожидалось, задал экзаменационное задание на каникулы. Хотя работа была групповой, оценивали каждого индивидуально, по вкладу. Помимо подробного эссе на три тысячи слов, требовались фото или видео.

Если бы не недостаток сил, у студентов уже чесались бы руки придушить преподавателя.

— Когда вернётесь с каникулы, будем учиться совмещать сверхъестественные искусства и телесные техники, — сказал Шишахай.

Класс ответил вялым гулом. Методы преподавания Шишахая были слишком грубыми и примитивными. Если бы не их природный талант, они бы давно уже отчислились.

Прозвенел звонок, и Шишахай испарился быстрее всех.

Хуан Цзян подумала, что раз уж все едут домой, можно было бы купить билеты оптом, чтобы сэкономить.

— Не нужно, — сказал Ван Линсянь. — Я арендовал самолёт. Хотите со мной?

— Я еду! — тут же откликнулся Юй Вэнь.

— Раз так, я не буду покупать билет, — сказала Хуан Цзян.

— Я поеду на скоростном поезде, — сказал Тутэн.

— Самолётом быстрее.

— Это для духовной практики.

Ван Линсянь пожал плечами. В Цанми любят аскезу, возможно, это один из их методов. Он никогда этого не одобрял.

Он повернулся и спросил:

— Желтоволоосый, а ты?

— Можно я возьму с собой ещё одного человека? — спросил Цэнь Цзинь.

— Можно.

Цэнь Цзинь обрадовался. Сэкономил больше двух тысяч.

На этом они разошлись, договорившись встретиться в аэропорту в шесть утра. Никто не стал возмущаться, почему так рано, ведь они летели бесплатно.

На следующий день, ещё до рассвета, Цэнь Цзинь с чемоданом и рюкзаком, в который он засунул два кухонных ножа для сдачи в багаж, был готов к выходу. Проверив всё ещё раз, он вышел из дома в сопровождении Дин Чжаоцина.

Сегодняшний образ Дин Чжаоцина был, как всегда, изысканным. Самое главное, что одежда с элементами ретро сидела на нём так, будто это был модный фьюжн. Может, всё дело в том, что он сам по себе был красив?

Под верхней одеждой у Дин Чжаоцина была льняная рубашка, а поверх — чёрная накидка с вышивкой серебряной нитью в виде журавлей. На спине — изящный японский журавль, прислонившийся к сосне, вышитой серебром. Крона дерева простиралась до плеч, а передняя часть накидки была чисто чёрной, без всякой вышивки.

Одна сторона — предельно роскошная, другая — предельно минималистичная. Очень эффектно.

Длинные волосы Дин Чжаоцина были заплетены в «хвост скорпиона», в который была вплетена серебряная цепочка. Коса свисала на левое плечо, придавая ему экзотический вид.

— Ты ведь можешь свободно передвигаться, зачем едешь со мной? — с любопытством спросил Цэнь Цзинь.

Дин Чжаоцин надел шляпу и солнечные очки, скрыв половину лица.

— Знаешь, почему в древности императорские посланники, прибывая в город, били в гонги и барабаны, чтобы все знали об их приезде? — спросил он в ответ.

Цэнь Цзинь, открывая дверь, ответил:

— Чтобы известить народ о возможности подать жалобу императору?

Дин Чжаоцин усмехнулся.

— Чтобы продемонстрировать силу.

На выходе из аэропорта города Ба их уже ждал автобус, присланный кланом призрачного гу. Цэнь Цзинь и его спутники, следуя инструкциям, нашли нужный транспорт. Водитель как раз прогонял человека, пытавшегося сесть в автобус.

— Частный транспорт, не такси, — сказал молодой человек.

— Купить автобус как частную машину? Совсем с ума сошёл, — пробормотал несостоявшийся пассажир.

— Нравится мне, и всё тут! — с вызовом ответил парень. Обернувшись, он увидел Хуан Цзян и поспешил к ней. — Госпожа, вы вернулись. Это ваши одноклассники?

Хуан Цзян кивнула и представила парня:

— Мой соклановец, Хэ Синчунь.

Затем она представила всех по очереди. Хэ Синчунь запомнил каждого, но, обращаясь к Цэнь Цзиню, постоянно сбивался на «желтоволосого». После нескольких поправок со стороны Цэнь Цзиня он смутился и в качестве извинения стал называть его «одноклассник Желтоволосый».

Желтоволосый подумал: «И в чём, спрашивается, разница?!»

Когда очередь дошла до Дин Чжаоцина, Хэ Синчунь застыл с пустым выражением лица. Цэнь Цзинь напрягся, не зная, был ли тот просто ошеломлён его красотой, как и остальные, или же распознал в нём аномалию.

— Какой же красивый брат! — воскликнул Хэ Синчунь, хлопнув себя по бедру. — Хочешь стать звездой? Я сделаю тебя знаменитым на всю Азию... Таланта нет — не беда, я мастер по созданию имиджа.

Даже ведя автобус, Хэ Синчунь не переставал уговаривать Дин Чжаоцина стать звездой. Дин Чжаоцин с мягкой улыбкой отвечал, что ему очень нравится кино. Всего одна фраза, а Хэ Синчунь так разволновался, что чуть ли не на месте заставил его подписать контракт.

Цэнь Цзинь шёпотом спросил у Хуан Цзян:

— Твой родственник ещё и агентом подрабатывает?

— Он мечтает стать айдолом, но ни внешности, ни актёрского таланта нет. Поэтому решил стать продюсером и вырастить звезду, которая покорит Азию. Присматривай за своим Дин Чжаоцином, а то уведут.

«Если Дин Чжаоцина уведут, наступит конец света».

— Он мой арендодатель, а не «мой», — подчеркнул Цэнь Цзинь. — От твоих слов мне жутко.

— Он и вправду выглядит не как человек, — вздохнула Хуан Цзян.

— Он и не человек, — ответил Цэнь Цзинь.

Хуан Цзян не поняла двойного смысла, решив, что Цэнь Цзинь испытывает те же чувства, что и она.

Оба были неразговорчивы, поэтому вскоре замолчали. Всю дорогу до клана призрачного гу они ехали в тишине. Подъехав к переулку, они увидели толпу, заполнившую всё пространство. Люди стояли неподвижно, держа в руках транспаранты. Так как они стояли спиной, надписей было не разобрать, но рядом с каждым тремя-четырьмя людьми лежал кто-то без сознания.

Болтливый Хэ Синчунь мгновенно посерьёзnel.

— Госпожа и её друзья, извините, но дальше проехать не могу. Выходите здесь и идите через боковой вход, госпожа знает дорогу.

Хуан Цзян нахмурилась.

— Что происходит?

— Старейшины и госпожа У Лань разберутся.

— Я спрашиваю, что происходит! — строго повторила Хуан Цзян.

Хэ Синчунь помолчал и неохотно рассказал:

— Всё началось полмесяца назад. В деревне недалеко от гробницы Му-вана произошёл странный инцидент: красные лягушки массово пожирали друг друга. Госпожа У Лань лично отправилась на расследование и выяснила, что эти лягушки, скорее всего, мутанты третьего поколения, а источник загрязнения — гробница Му-вана.

Госпожа У Лань немедленно оцепила гробницу, выставила круглосуточную охрану и уже подала заявку на использование специального сплава для сдерживания загрязнения, ждёт одобрения.

Красных лягушек отправили в Организацию на анализ, и результаты подтвердили, что их каннибализм — это форма разведения гу.

Организация хотела изучить механизм этого поведения, но вскоре в местной деревне около десяти мужчин устроили драку в родовом храме, сцепившись в смертельной схватке. Пострадавших доставили в больницу, но во время операции один из них вырвался, ранил врача, выбежал и набросился на своего раненого односельчанина. На глазах у всех он перегрыз ему горло и начал рвать плоть.

И не только он. Все участники драки обезумели и стали нападать друг на друга. Один, даже со сломанной ногой, упорно полз, чтобы вцепиться зубами в товарища... Знаете, на что это было похоже?

На зомби-апокалипсис.

Чтобы предотвратить распространение, их пришлось застрелить. Тела отправили в Организацию на вскрытие, но ничего необычного не нашли.

— Не загрязнение? — спросил Ван Линсянь.

— Нет, — с тяжёлым вздохом ответил Хэ Синчунь. — Мы не можем найти причину их внезапного безумия и каннибализма. На их телах нет никаких следов загрязнения, превышающих норму. Их поведение напоминает красных лягушек, но у лягушек загрязнение было, а у них — нет.

— Раз это не загрязнение, нужно хотя бы найти причину болезни, чтобы предотвратить её распространение.

— Мы сразу начали искать причину, но ситуация развивается слишком быстро, превосходя все наши ожидания. Вскоре после этого инцидента похожие случаи стали происходить в уездных и даже крупных городах. Один ученик во время урока внезапно вскочил и проткнул учителю горло циркулем, а потом набросился на него и начал пить кровь.

Другой, заболев, запер свою семью в доме и зарубил их ножами — это пока единственный известный случай, когда больной сохранил разум.

И все эти больные нападают только на себе подобных, здоровых людей они не трогают. Они словно узнают друг друга, а наши приборы пока не могут их выявить. Мы назвали эту болезнь «Красная лягушка».

Тот больной, что сохранил разум, запер семью дома, дождался, пока они заболеют, а потом съел их. Другими словами, он знает, как заражать других...

— Где он? — спросил Юй Вэнь.

— Сбежал.

— Похоже, это какая-то инфекция, — внезапно произнёс Дин Чжаоцин.

Цэнь Цзинь с удивлением посмотрел на него. Увидев его мягкий взгляд и лёгкую улыбку, он понял, что тот снова играет. Но все в автобусе купились на это.

— А? Похоже, и правда инфекция... — пробормотал Хэ Синчунь.

Цэнь Цзинь интуитивно почувствовал, что Дин Чжаоцин может что-то знать.

— Ты знаешь эту болезнь? — спросил он.

Дин Чжаоцин бросил на него взгляд.

— Нет. Но раз это инфекция, с ней можно бороться как с инфекцией, чтобы предотвратить распространение и спасти больше людей от заражения.

— Точно! Я немедленно сообщу госпоже У Лань, — сказал Хэ Синчунь.

— Подожди, — сказала Хуан Цзян. — А что с теми людьми впереди?

— Слухи об этом уже разошлись по сети. Эти люди — те, у кого в семьях появились больные. Они прослышали, что клан призрачного гу может помочь, и приехали сюда, требуя лечения.

Но старейшины и госпожа У Лань сейчас у гробницы Му-вана, так что здесь пока никому этим заняться. Приходится терпеть, что они перекрыли улицу.

Хуан Цзян покачала головой.

— Я разберусь.

— Погоди, — остановил её Цэнь Цзинь.

— Почему?

— Тебе не кажется странным, что столько людей столпилось в переулке, и при этом стоит полная тишина?

Хуан Цзян вдруг всё поняла. Ван Линсянь и Юй Вэнь, впрочем, тоже заметили неладное. Лишь она, увлѣкшись, упустила это из виду.

В переулке собралось не меньше трёх-четырёх сотен человек. Не говоря уже о возможных ссорах и перепалках, они должны были хотя бы разговаривать.

Но стояла тишина, нарушаемая лишь шумом ветра. К тому же, это было сродни несанкционированному митингу, но полиции не было видно. И вся эта улица принадлежала клану, неужели никто из своих не вышел разобраться?

Хуан Цзян с подозрением посмотрела на Хэ Синчуня.

— Нет-нет, утром они ещё шумели, — поспешил оправдаться тот. — Почему сейчас так тихо, я и сам не понимаю. Взрослые в нашем клане заняты ритуалами, дети в школе, кому тут разбираться?

<http://bllate.org/book/13658/1590768>